

НИНЕЛЬ МАКСИМЕНКО

НА ПЛАНЕТЕ
ИСПОЛНИВШИХСЯ
ЖЕЛАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Нинель Максименко

На Планете

Исполнившихся Желаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148896

Аннотация

Приключенческие рассказы с элементами фантастики, объединенные общим героем, с которым то и дело случаются необыкновенные истории.

Содержание

СОЧИНЕНИЕ НА ТЕМУ «ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ (ИЛИ НЕ ЛЮБЛЮ) НАУЧНУЮ ФАНТАСТИКУ» УЧЕНИКА 6-го КЛАССА «Б» ВОВИКОВА ЕГОРА	4
ПОЧЕМУ ГОШКУ НАЗВАЛИ ГОШКОЙ	7
ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА БРЕЗЕНТОВОЙ РАСКЛАДУШКЕ	17
ЧЕРНЫЙ РЕПРОДУКТОР	30
ГОШКА И ПИРАТ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

НА ПЛАНЕТЕ ИСПОЛНИВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ

Нинель МАКСИМЕНКО

СОЧИНЕНИЕ НА ТЕМУ «ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ (ИЛИ НЕ ЛЮБЛЮ) НАУЧНУЮ ФАНТАСТИКУ» УЧЕНИКА 6-го КЛАССА «Б» ВОВИКОВА ЕГОРА

Я люблю читать книжки по научной фантастике. Вообще многие любят. Мой папа, например, тоже любит, хотя он и взрослый.

Я знаю – нам говорила пионервожатая Валя, – что фантастика будит научно-техническую мысль и учит мечтать. Не спорю. Может, это и так. Может быть, она и будит и учит. За это, наверное, ее взрослые и любят. А я люблю ее совсем не за это. Просто ее читать очень интересно, и вот нисколько не скучно, а наоборот. Но я люблю читать не всякую науч-

ную фантастику. В большинстве книг происходят такие вещи, которые могут сделать только взрослые. Вот, например, попробуй построй космический корабль, если даже ты отличник-переотличник, и даже звеньевой, и даже, например, победил на школьной олимпиаде. Все равно не построишь. И космонавтом тебя ни за что не сделают, пока ты не взрослый. И не то что космонавтом, а даже каким-нибудь там ерундовским биологом не выберут. В общем, выходит, все на свете надо ждать и ждать. А это я как раз терпеть не могу. Пока будешь ждать, уже расхочется. Поэтому я люблю книжки, в которых всякие чудесные приключения происходят с ребятами, а не со взрослыми. И вообще я бы очень хотел, чтобы что-нибудь такое необыкновенное и со мной случилось. Например, чтобы мой велосипед мог летать, как вертолет. Или чтобы я мог выучить язык зверей и разговаривать со своим Пиратом и со своим ежом Васькой. А почему это не может быть? Вот мой папа взрослый и даже инженер, а он говорит, что ничего невозможного нет. И то, например, что сочинял Жюль Верн, сейчас все осуществилось и даже еще кой-чего, о чем Жюль Верн не догадался.

Вот поэтому я люблю научную фантастику и очень хочу, чтоб со мной тоже случилось что-нибудь фантастическое. Все.

За это сочинение ученика 6-го класса «Б» Вовикова Егора учительница затруднилась выставить оценку. С одной стороны, она отметила самостоятельность мышления и стремление к научной мечте, а с другой стороны, ученик употребляет недопустимые выражения вроде «ерундовский». (И потом, Вовиков, разве ты не знаешь, что биологов не выбирают? Чтобы стать биологом, надо учиться, кончить институт, а если ты будешь употреблять такие выражения, то ты в институт никогда не поступишь.)

ПОЧЕМУ ГОШКУ НАЗВАЛИ ГОШКОЙ

– Мама! Это ты, что ли, назвала меня Гошкой?

– Нет, папа.

– Мама, а почему меня звать не так, как всех?

– А ты хотел бы, чтобы всех звали одинаково?

– Да нет же. Ну ты понимаешь, что я говорю, только при-
творяешься. Ну все или Саши, или Вити, или Леши, а я вдруг
Егор. Ни одного Егора больше нет! Я один на свете.

– Во-первых, ты не один Егор. А кроме того, у папы был
очень хороший друг Егор. Так вот он назвал тебя в его честь.

– А он что, погиб на фронте, этот друг?

– Нет. Это было раньше. И он не мог быть на фронте. Они
были ребятами вроде тебя.

– Ну, а тогда зачем он меня так назвал?

– Потому что папа любил этого друга.

– А ты его любила?

– Я его не знала.

– Как это так не знала! Папин близкий друг, а ты с ним
не познакомилась!

– Гошка! Ну что ты совсем как маленький! Ну подумай,
как же я могла знать папиного друга, когда я еще папу-то
тогда не знала.

– Мама, ну как же ты могла столько терпеть и не знать папу? Я бы ни за что не вытерпел!

– Гошка, ты меня просто удивляешь! То ты читаешь совсем серьезные книги, а то задаешь вопросы, как пятилетний.

– Нет, мама, я совсем даже не как пятилетний. Просто, знаешь, я так люблю папу, так люблю... Я бы не стал терпеть, чтобы столько лет прошло зря, я бы с ним обязательно встретился.

– Ох, Гошка, все-таки ты еще совсем ребенок! Мама тут же забыла про этот разговор, но Гошка-то не забыл.

Прошло время, неизвестно точно сколько, когда однажды вечером Гошка подсел к папе, твердо решив поговорить с ним наконец как мужчина с женщиной:

– Папа, ты можешь не читать газету?

– Могу.

– И не протирать очки?

– Ну...

– И не вертеть в руках карандаш.

– Ну, а что я должен делать, скажи мне» Егор?

– Ты должен со мной разговаривать.

– Давай будем с тобой разговаривать, Егор. – Папа, расскажи мне про того друга.., ну того, из-за которого меня звать

Егор.

– Во-первых, мы называли тебя Егором не только из-за моего друга. Это прекрасное русское имя, к тому же твоего деда звали Егор, а друг...

– Да, меня в данный момент интересует друг: какой он был?

– Какой он был? Да, пожалуй.., чем-то он похож на тебя. Тоже не любил стричься.., веснушки... Знаешь, Гошка, пожалуй, он был даже здорово похож на тебя! Почему-то раньше я об этом не думал. Да, определенно. Может быть, только чуть повыше... Это было в последнее предвоенное лето, лето 1940 года. Это последнее лето перед войной было очень жарким. И началось оно очень скучно. Родители уехали отдыхать на юг, а меня оставили с бабушкой и дедушкой на даче под Москвой. И какое могло быть веселье, когда нет товарищей! Медленно тянулись дни за сбором гербария и прочими нудными занятиями, пока однажды... Помню до мельчайших деталей, хотя прошло уже тридцать лет. Тридцать лет, Гошка, ты можешь себе представить! В один такой жаркий денек сижу я на бревнах...

– Позади дома?

– Да, позади дома. Я, Гошка, наверное, сто раз уже рассказывал. Тебе не надоело?

– Нисколечко, папа.

– Так вот, сижу я на бревнах, позади дома, и наблюдаю за большой зеленой стрекозой. И даже не видел, как рядом со

мною очутился мальчик. Вот такой мальчик, как ты сейчас. Сел незаметно со мной рядом и как будто прочитал мои мысли. «Вот бы, говорит, хорошо иметь такую стрекозу, только побольше раз в сто, и летать на ней. Ты заметил, какая у нее потрясающая маневренность и способность приземляться на любых посадочных площадках? Она может даже висеть в воздухе на одном месте...» Как раз об этом я и думал в тот момент, когда тот мальчик...

– Гошка?

– Да, Гошка. Когда Гошка подсел ко мне и как будто прочитал мои мысли.

– «А самолет не может», – сказал я ему. Ты представляешь, если надо будет высадиться куда-нибудь в неожиданное место, ну, например, на крышу идущего поезда. Нужно, чтоб стрекоза летела прямо над поездом и спуститься с нее по веревочной лестнице.

– Только это сказал Гошка...

– Может быть, но не в этом дело. Факт тот, что мы оба были ужасными фантазерами. Ведь, представь себе, мы еще не знали тогда, что такое вертолет. Да, мы не знали вертолетов, и в образе стрекозы увидели прообраз вертолета. Представляешь, как удивительно у нас работала фантазия! Это и сделало нас такими друзьями.

– Ну в том, что я сравнил стрекозу с вертолетом, ничего удивительного не было, – задумчиво проговорил Гошка.

– Конечно, если бы ты сейчас сравнил стрекозу с верто-

летом, в этом не было бы ничего удивительного. Ведь тебе с детства знаком вертолет. А вот мы с Гошкой и не слышали о вертолетах. Да... Интересно, кем стал потом Гошка? Наверное, авиаконструктором.

– Нет, папа, он будет космонавтом...

– Космонавтом? Может быть. И может быть, даже мы с тобой о нем еще услышим. Как бы я хотел встретиться с ним снова. Интересно, помнит ли он о нашей дружбе так же, как я?

– Он никогда не забывал... – тихо-тихо сказал Гошка.

– Но не в этом дело. В общем, с появлением Гошки у меня началась совсем-совсем другая жизнь. В то лето я впервые узнал, что такое настоящая дружба. Многочисленные приятели, с которыми можно вместе пойти на каток, в кино, прогулять уроки, высмеять нового мальчика во дворе, это еще не дружба. Даже если ты клянешься в вечной дружбе «по гроб жизни». Вот когда ты встречаешь в друге полное понимание твоих самых затаенных мыслей, мечтаний и даже не только понимание, но продолжение, развитие... Гошка! Ты знаешь, какая великая вещь иметь друга, который так тебя понимает!

– Знаю, папа.

– Нет, Гошка, пока ты еще не знаешь. Но желаю тебе, чтоб ты узнал. И ты увидишь, как жизнь твоя расцветет прекрасным цветком. Вот так было со мной и Гошкой.

– Знаю, папа.

– Да я тебе рассказывал... Какое это было счастье! Мы разговаривали часами и не могли наговориться. А иногда молчали, Запремся где-нибудь...

– В летней кухне...

– Да, в летней кухне, я тебе рассказывал...

– Или в сарае!

– Или в сарае. И сидим тихо, как мыши. И так нам было хорошо, просто замечательно! В эти часы мы жили в мире своих фантазий. Больше всего мы, конечно, мечтали о технике, о самолетах, подводных лодках. Или о военных приключениях. Иногда наши фантазии были такими буйными, что мы заражали весь поселок. Любимой нашей игрой была конница Буденного. Обыкновенную садовую тачку мы привязывали к раме велосипеда. На велосипед садились мы с Гошкой, в тачку набивалось немыслимое количество ребят. Кто-то из ребят выискал две самые настоящие буденовки, которые надевались нами по очереди. К рулю велосипеда на длинной палке был привязан красный флаг. Ну и здорово же это было, скажу я тебе! Вот уж была игра так игра! Сейчас почему-то у вас нет таких веселых игр.

– Да, это была мировая игра, – вздохнул Гошка, – Ну, а насчет теперешних игр, ты просто не в курсе, недостаточная информация.

– Знаешь, мчимся мы вот так в этой тачанке по всему поселку, гремит «Эх, тачанка-ростовчанка», пыль столбом! За нами бегут десятки ребят, которым не хватило места в тачке;

собаки выскакивают из всех калиток и провожают нас бешеным лаем. Вот это, я тебе доложу, была игра... Но, пожалуй, чаще мы играли только вдвоем с Гошкой. Заберемся в темный сарай и воображаем, что мы котовцы, взятые в плен белыми. Нас допрашивают, пытаются, но мы, конечно, ни слова. Белые связали нас по рукам и ногам, во рту у нас кляпы. И вдруг мы слышим конский топот и крики «ура». В деревню ворвались наши. Они скачут совсем рядом с нами, а мы даже не можем позвать на помощь...

— И тогда, — дрожащим от волнения голосом продолжает Гошка, — я с трудом перекатываюсь к тебе и носом выталкиваю из твоего рта кляп, и мы спасены!

— Ну да, Гошка вытолкнул кляп, я это тебе уже рассказывал. А иногда мы с Гошкой просто мечтали. Мы могли целыми часами лежать у нашей Серебрянки: то наблюдать за полетом стрекоз, то, задрав свои облупленные носы к небу, ждать, когда пролетит самолет. Да, мы умели мечтать...

Папа и Гошка одновременно вздохнули.

— Вот только, — продолжал папа, — я не помню, чтоб я хоть раз бывал в гостях у Гошки. Всегда почему-то он приходил ко мне. И мне даже казалось, что стоит мне только вспомнить о нем, как он тут как тут... Не всегда, конечно, наши с Гошкой затеи были умны... Помню, в соседнем доме жил паренек. Молодой морячок, который приехал в отпуск и скучал на даче. Для нас он был кумиром. Мы устраивали за ним слежку и, наверное, здорово отравили ему отпуск. А одна-

жды...

– Это было уже в конце лета...

– Да, это было уже в конце лета. Мы с Гошкой решили умолить его сделать нам такую же татуировку, как у него. Он, конечно, облил нас презрением и заявил, что пока что нам самое время пускать в луже бумажные кораблики, причем выбрать лужу помельче, а то, не дай бог, потонем. Но потом, когда мы ему оказали ряд существенных услуг...

– Как дураки таскали записочки к Верке, а она их даже и не читала...

– Значит, и это я тебе уже рассказывал. Так вот, позднее этот самый Гена переменял к нам отношение и, так и быть, согласился сделать нам татуировку. Он взял с нас страшную клятву, что мы никому ни гугу. Ну, я тебе доложу... До сих пор с ужасом вспоминаю только две вещи в жизни – зубного врача и процедуру с татуировкой. Теперь я даже и не представляю, как у таких ребят было столько силы воли, что мы даже не ойкнули.

– Да уж, приятного было мало, – угрюмо вставил Гошка.

– И вообще эта дурацкая татуировка всю жизнь мне потом отравила. И ничем ведь ее не вытравишь! Прошло уже тридцать лет, а она, проклятая, никак не сходит.

Папа закатал рукав белой рубашки и стал разглядывать на внутренней стороне руки, чуть ниже локтевого сгиба, расплывшуюся чайку, держащую в когтях подобие якоря. Под якорем красовалась надпись: «Боря». Этот «шедевр вкуса и

художественного исполнения» был довольно-таки стерт временем, но все же достаточно отчетлив, чтобы портить папе настроение каждое лето, лишая его возможности носить рубашки с коротким рукавом и отравляя пребывание на пляже.

— Это была единственная глупость, которую мы сотворили с Гошкой.

И папа уже в который раз горестно вздохнул.

И тут Гошка, ни слова не говоря, закатывает рукав своей клетчатой ковбойки, и ошарашенный папа видит на внутренней стороне Гошкиной руки, чуть ниже локтевого сгиба, чайку, которая держит в когтях якорь. А под якорем надпись: «Гошка». «Художество» на Гошкиной руке, в отличие от папиного, было четким и ясным, как будто его исполнили только-только.

Папа долго молча дергал себя за ухо, снимал и надевал очки, протирал их по крайней мере раз пять, снова надевал и, наконец, сказал:

— Ну, Гошка, такой жуткой глупости я от тебя не ожидал! Скопировать эту гадость...

— Папа! Ты же сам сказал, что это была единственная глупость, которую мы с тобой сделали...

— Да, но то, что могли натворить мальчишки сорокового года... А сейчас!.. Просто непростительно для современного культурного парня...

— Папа, неужели ты еще не понял?

— О чем ты, Гошка?

– Мне показалось, что ты узнал меня...

– Нет, Гошка, нет, нет, этого не может быть! Машина времени существует лишь в научной фантастике!

– Ну, а зачем обязательно машина? И почему это не может быть? Вот видишь, значит, может. Я просто очень, очень хотел, папа, быть с тобой тогда тоже. Я просто не мог стерпеть, что было такое время, когда я тебя не знал. Я должен был побывать там. Понимаешь? Я просто не мог!.. И, наверное, поэтому у меня получилось, – тихо добавил Гошка.

ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА БРЕЗЕНТОВОЙ РАСКЛАДУШКЕ

Шестой класс начался для Гошки Вовикова сплошными неприятностями. В первый же день, в торжественный день 1 сентября, у него вышел жуткий скандал с немкой из-за Васьки. Ваську Гошка поймал летом на даче, а вернее было бы сказать, не поймал, а пригласил к себе жить. Васька сам явился на летнюю кухню, недвусмысленно потребовал еды – скреб лапками, приподнимал мордочку и заглядывал в глаза с явным вопросом:

«Догадаетесь ли вы меня покормить, черт подери!» Васька – это еж. И может быть, он раньше жил у кого-нибудь и его там приучили просить еду, а может, просто он был очень умный. Умный-то он был наверняка. Очень скоро Гошка научил его таким штукам – хоть по телевизору выступай! И подумать только: Гошке пришлось терпеть почти пол-года, чтобы продемонстрировать Ваську с его фокусами ребятам из класса. Ну скажите теперь, мог ли он не принести Ваську 1 сентября в школу? Скажите? Если вы скажете «мог», я все равно вам не поверю.

На первом уроке – была как раз зоология – все шло отлично. Ботаничка (теперь ее придется называть зоологичка) спрашивала, как ребята знакомились летом с живой природой.

дой и что нового узнали.

И тут весь класс вдруг закричал: «Васька, Васька!» А ботаничка спросила: «Это что еще за Васька? И почему Васька, а не Вася и как его фамилия?» И все закричали: «У него нет фамилии, это еж, еж Вовикова!» Ботаничка заткнула уши и сказала: «Кто-нибудь один. Ну-ка, Вовиков, объясни, какой там еще Васька поймал ежа». И все опять закричали: «Да нет же, Васька и есть еж!»

Но ботаничка снова заткнула уши и журналом показала в сторону Вовикова.

Гошка вытащил из парты Ваську, подошел к учительскому столу и посадил его. Васька продемонстрировал все свои фокусы. Ребята его угощали, и даже ботаничка полезла в свой портфель и достала оттуда целлофановый мешочек с завтраком и протянула Ваське яблоко. Васька недолго думая схватил его и сел па задние лапки, а в передних держал яблоко и быстро его грыз. Урок прошел чудесно. И всю перемену ребята угощали Ваську, каждый хотел, чтоб Васька поел у него из рук. Но Васька уже не мог есть, он, кажется, начинал злиться и топорщил свои иголки.

Когда начался следующий урок – немецкий – весь класс стоял вокруг Гошкиной парты и не слышал, как вошла учительница, как она сказала один раз и второй, чтоб все сели на свои места.

Алиса Ивановна хлопнула папкой об стол – получилось, как будто пушка выстрелила, даже Васька испугался. И ре-

бята наконец увидели, что учительница давно стоит у стола и что она здорово разозлилась, даже вся красная.

– Так-то, Вовиков, ты начинаешь шестой класс! – сказала Алиса Ивановна. – Первого сентября ты срываешь мне урок. Я вижу, за лето ты нисколько не исправился. Сейчас же пойди и выбрось своего ежа на улицу, тогда мы начнем урок.

Алиса Ивановна села на стул и стала листать журнал, как будто спокойно, но ребята видели, как она злится, и чувствовали, что сейчас разразится скандал.

Вовиков стоял за своей партой, а Васька сидел на парте, ничего не подозревая.

– Ну, Вовиков, – сказала Алиса Ивановна, – мы ждем, весь класс ждет тебя.

И тут Гошку прорвало;

– Весь класс ничего не ждет! Вы зря сваливаете на весь класс. Не могу я его выбросить на улицу, это же МОЙ еж, понимаете, МОЙ! Вот если бы вас выбросить на улицу!

– Что?! – Алиса Ивановна почти подпрыгнула на стуле. – Меня выбросить на улицу! Ну-ка, Вовиков, убирайся вместе со своим ежом и учти: больше ты на моих уроках не будешь, никогда, уходи в другую школу!

Весь класс онемел от ужаса. Все видели, что Алиса Ивановна говорит всерьез, а не так, как бывает: попугают, а потом все забывается. И все думали: что же теперь будет с Гошкой и с Васькой?

Гошка складывал в портфель свои вещи, потом также не

спеша поставил портфель на парту и поверх книжек расстелил тряпку, так что получилось что-то вроде уютного гнездышка, бережно положил туда Ваську и закрыл портфель. Все это Гошка делал тоже как будто спокойно, но ребята видели, каково ему сейчас.

Гошка сказал «до свиданья» и ушел. В классе еще долго стояла тишина...

Пока что Гошке разрешили ходить в школу. Но все понимали, что это так просто не кончится, что-то будет.

И тут случилось еще одно событие...

Все это произошло из-за научной фантастики. Дело в том, что Гошка Вовиков очень любил научную фантастику, читал только научную фантастику, просто-таки жить не мог без научной фантастики.

Давным-давно, еще в четвертом классе, Гошка твердо решил, что жизнь его будет отдана космосу, а точнее, изучению самых дальних планет. Конечно же, в этом нет сомнения: пока Гошка подрастет, до самых дальних планет доберутся.

И после этого решения Гошка не только начал читать абсолютно всю научную фантастику, но самое главное – готовить себя морально и физически к условиям существования в космосе.

Он ставил на себе разные опыты, иногда совсем даже нелегкие. Так, например, он целых два дня ел только хрустящие хлебцы, витамины в таблетках и пил чистую воду – больше ничего, чтоб приучить себя к космическому рацио-

ну.

Самое трудное в этом опыте была, конечно, мама. Ужасно тяжело иметь маму, которая ну ничегошеньки не понимает в космических делах и к тому же просто помешана на свежих витаминах и калориях. Но способность убеждения – это тоже необходимое качество для космонавта: ведь придется же как-то объясняться с жителями других планет! И Гошка убедил маму в необходимости своего эксперимента.

Но это в прошлом. А сейчас он занимался вещами посерьезнее. Одна из самых нужных вещей для космонавта – не растеряться в условиях невесомости, и Гошка стал готовиться к этому. Однажды, когда он купался в речке Серебрянке, он вдруг почувствовал, как легко в воде его тело. Он вдруг сообразил, что это очень похоже на невесомость. От неожиданного открытия Гошка чуть не задохнулся, наглотался воды и пошел ко дну, где глубина-то всего лишь по пояс. Ребята здорово осмеяли его тогда, но Гошка даже не удостоил их своей обидой: что они понимают в серьезности открытия!

С этого дня Гошка стал ежедневно тренироваться в речке. Кувыркался в воде, и стоял столбиком, и лежал на воде, раскинув руки и ноги, и крутился штопором. И как-то, когда папа пришел вечером домой и за ужином стал рассказывать, какой он видел интересный документальный фильм про «Аполлон» и как там космонавтов тренируют в воде па условия невесомости, Гошка даже поперхнулся чаем, вскочил и закричал:

– А я сам, сам придумал это, папа, ты веришь, сам!

И папа поверил и оценил.

Гошка продолжал упорные тренировки в речке. А однажды, когда он смотрел по телевизору цирк, то сделал еще одно потрясающее открытие: можно научиться здорово управлять своим телом и подготовиться к условиям невесомости и в самом обычном воздухе. Стоит только взглянуть на клоунов, как они падают плашмя прямо на пол. Попробуй-ка шмякнись так – костей не соберешь, а им хоть бы хны. А прыгуны на батуте, а воздушные акробаты – да это же настоящая школа космоса!

С того вечера Гошка не прекращал тренировок, можно сказать, круглые сутки. Даже когда он лежал в постели, он приказывал своему телу расслабиться и чувствовал, что как будто все его кости становились мягкими. Он уже мог запросто падать плашмя на пол, пугая до смерти маму и бабушку, и прыгал с крыши сарая, ловко планируя и мягко приземляясь на грядки. Всему этому Гошка научился еще летом. Из-за этих-то летних тренировок и произошел случай на физкультуре.

Был урок физкультуры. Занимались, как всегда, в физкультурном зале, была как раз разминка. Все ребята лазили по шведской стенке, прыгали через козла и подтягивались на кольцах. Всем было очень весело, и только Гошка Вовиков печально стоял у окна и думал о своей несчастной судьбе.

И тут он неожиданно принял решение. Сейчас он всем

им покажет, сейчас он докажет, что Вовиков не какой-то там мелкий нарушитель, а будущий завоеватель космоса. Он уже и сейчас довольно крупный исследователь по невесомости. Да и Егор Вовиков звучит не так уж плохо, не многим хуже, чем Юрий Гагарин. Сейчас он всем им покажет! И Гошка в одно мгновение забрался на самый верх шведской стенки, к самому потолку зала, и, держась одной рукой за верхнюю перекладину, а другой махая в воздухе, закричал что было силы:

– Эй, вы все! Смотрите, что сейчас будет! В ту же секунду Гошка разжал пальцы и, распластав руки, камнем полетел вниз...

Гошка лежал в бабушкином саду на брезентовой раскладушке, в руках у него был Айзек Азимов, а нога его была в гипсе. Чтение что-то не лезло ему в голову. Когда все это случилось, такая была суматоха – «скорая помощь», врачи, больница, тогда, конечно, никому и в голову не пришло говорить о скандале на немецком.

Но теперь, когда все прошло, когда он совсем выздоровел, только вот ходить не очень-то может, пока гипс не сняли, теперь каждый день можно ждать, что завуч вызовет маму в школу и объявит ей, что ее сын бандит и хулиган и что они не хотят больше держать его в школе; и пусть он делает что хочет: хочет вишни продает на базаре, хочет идет работать дворником, только вот учиться ему больше нельзя – Алиса Ивановна не разрешает.

И до того муторно стало Гошке от этих мыслей, что он даже застонал, так что бабушка с террасы спросила:

– Что, Гошенька, нога?

– Да, бабуса, что-то опять ноет...

– Инвалиды мы с тобой, Гошенька, – сказала бабушка. – На базар бы надо сходить, малинки купить, пирог испекла, в кои веки сливки сбились, а подумай: какой же пирог со взбитыми сливками без малины! Да вот ноги не пускают, за-недужили...

Гошке стало еще хуже от того, что он всех обманывает, что все его жалеют; он снова чуть не застонал, но вовремя остановился. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Гошка сосредоточил свои мысли на научной фантастике. Недавно он прочитал одну книжку, старую, правда, но не хуже новых, и там один человек без всяких инструментов, а только при помощи своего разума научился управлять целым миром, и причем не только людьми и животными, но и неодушевленными вещами. Все его слушались.

«Вот бы мне такое, – подумал Гошка. – Вот было бы здорово! Вот все удивились бы! Представляю, как Алиса Ивановна выгоняет меня из класса, а я приказываю своей парте, и парта медленно и плавно набирает высоту – ж-ж-ж-ж! – пробный круг над классом, я на прощание делаю ручкой и вылетаю в окно».

И в этот самый момент Гошка почувствовал, что его раскладушка как будто бы хочет оторваться от земли, делает

усилия, как будто хочет, но не может взлететь.

«Надо ей помочь, – думает Гошка, – надо сконцентрировать всю умственную энергию на одной мысли и заставить раскладушку взлететь».

И вдруг раскладушка как подпрыгнет метра на полтора от земли!

«Ну, – думает Гошка, – ничего себе рывочек, так и упасть недолго, представляю, что испытывают космонавты». Гошка стал плавнее концентрировать свою мозговую энергию, и раскладушка стала взлетать мягко, без всяких там бешеных скачков. Гошка на всякий случай все-таки крепко держался за алюминиевые перекладки. И тут Гошке пришла мысль. «Почему, – думает он, – вместо того чтобы так просто развлекаться, не слетать бы на рынок за малиной? И бабушке услужу, и пирог вкуснее будет, и заодно испробую силовую мощностъ раскладушки».

Сначала Гошка сделал несколько пробных виражей по саду. Прекрасно! Раскладушка слушается его идеально, как говорится, пилот и аппарат были одно целое. Гошка сделал еще один пробный вираж над дачей, потом спустился и, промчавшись мимо террасы, прямо на лоту схватил со стола целлофановый мешочек и рубль – бабушка приготовила это для соседки – и взмыл над садом. Гошка старался лететь чуть выше столбов, чтобы, не дай бог, не задеть за электрические провода. Прилетел на рынок, снизился. Сверху обозрение прекрасное. Гошка выбрал самую крупную малину и подру-

лил к тетке, которая продавала эту самую прекрасную малину. Около тетки стояла небольшая очередь, человек пять-шесть.

– Нельзя ли мне отпустить без очереди, а то тут нет стоянки для раскладушек! А тетка говорит:

– А мне что, как очередь.

А очередь, как кто. Одни говорят: «Еще чего! Один на машине приезжает – спешит, другой на раскладушке прилетает – спешит, а мы тут стой как дураки, а мы тоже спешим». А другие говорят: «Да отпустите его скорей, а то еще эта чертова раскладушка на голову свалится!» А еще другие говорят:

«Наоборот, пусть стоит, ждет своей очереди, под раскладушкой хорошо стоять – тенечек».

Ну. Гошке все-таки удалось взять малину без очереди. Он полетел не спеша обратно и тут, уже почти полдороги до дачи пролетов, решает Гошка: надо бы слетать в школу, выведать у ребят, как там и что. Гошка направил раскладушку на, Москву.

Вот он около своей школы, и как раз на уровне четвертого этажа, где помещается зал, и видит: все окна открыты – собрание идет, наверное педсовет. «А может быть, как раз меня сейчас исключают, – подумал Гошка. – А я вот как влечу на раскладушке, вот они удивятся и, может быть, не исключат». И Гошка совсем уж было влетел в окно, но его взял страх: пилить начнут, то да се, и потом, все-таки неудобно – на раскладушке, да еще в одних трусах. Скажут: «Это те-

бе не пляж». Ну, что тут делать? Семь бед – один ответ. И Гошка влетел в зал и повис над кафедрой. Гошкины предчувствия сбылись – завуч как раз сейчас с кафедры говорил о нем: что до каких пор можно терпеть и что это, в конце концов, противоречит всем нормам педагогики – бесконечно прощать нарушителя. Гошка понял: это страшное, как в милиции, слово относится к нему, и у него чуть не выпал из рук пакет с малиной – после таких слов не жди ничего хорошего.

И действительно. Завуч продолжал говорить, и в словах его не было ничего хорошего. Он говорил, что, может, и не стоит поднимать шума и доводить Вовикова до исключения, но что ему не место в образцовой спецшколе, пусть переходит в обычную районную. И вдруг... Гошка не поверил своим ушам и глазам. С места вскакивает Алиса Ивановна, его немка, и прямо с места начинает говорить, и не говорить, а прямо-таки кричать. Перебила завуча и кричит:

– Товарищи педагоги! Вы можете спокойно сидеть и слушать, что говорит наш заведующий учебной частью, а я вот не могу! Что значит – образцовая школа и что значит – простая районная? Да как же это можно! Товарищи педагоги! Да это невозможно! Ах, значит, у нас образцовая потому, что мы выбираем себе учеников. Да вы понимаете, что это значит? Мы подбираем, а не воспитываем. Да и потом, если уж говорить начистоту: Вовиков отличный парень, и я была не права.

В зале стояла жуткая тишина. Алиса Ивановна продолжала:

– Вовиков вступился за того, кого он воспитал и вырастил, неважно, что в данном случае это был еж Васька. А я была не права, и мы с вами не правы, он вступился, а мы с вами выбрасываем того, кого мы воспитали и вырастили. И разве это справедливость! И разве это педагогика! И если хотите знать, вот из таких ребят, как Вовиков, вырастают герои, и, может быть, наш Гошка Вовиков – это будущий Юрий Гагарин!

Тут Гошка не мог больше терпеть! Он как сумасшедший стал кружить под потолком вокруг люстры, бросал вверх малину наподобие салюта и кричал:

– Ура! Да здравствует справедливость! Да здравствует Алиса Ивановна!

Недоумевающие педагоги смотрели вверх, не понимая, что это опять выкинул Вовиков, откуда он кричит и откуда сыплется малина прямо им на головы, на костюмы и платья...

А Гошка в это время был уже далеко. Он летел на раскладушке, и все в нем пело и звенело. Так громко, как оркестр на демонстрации.

Он летел высоко-высоко. Он проносился над гремящими кранами, над строящимися домами-башнями, над синими лентами рек и желтыми одеялами полей, над узкими линейками шоссе и бегущими электричками. А выше над ним,

как стрекозы, жужжали вертолеты, стремительно проносились самолеты, а еще выше летели спутники и космические корабли.

И вот Гошка уже почти дома. Он издали, словно звездочку в небе, рассмотрел свой дом, а потом разглядел и террасу, и стол на ней, а на столе огромный воздушный пирог со взбитыми сливками, и своего ежа Ваську, который стоял задними лапками на стуле, а передними держался за край стола и принюхивался к ароматному запаху пирога. Гошка понял, что папа и мама уже приехали с работы, потому что увидел на табуретке мамину сумку и папин портфель. Гошкину грудь распирало от счастья; и тут как раз вышла из комнаты бабушка и сказала:

– А где наш Гошенька, уж холодать начинает, а он в одних трусах лежит, зови его чай пить с пирогом!

ЧЕРНЫЙ РЕПРОДУКТОР

Откуда все-таки появился у Гошки этот черный репродуктор? Он помнит, что дело началось со старых папиных часов «Мозер» без стекла и с одной стрелкой. Часы «Мозер» Гошка обменял на шариковую ручку с Леной Плясулей.

Шариковую ручку Лены Плясули он обменял с Шуриком на джинсы.

Шуриковы джинсы он обменял с Вовкой на три стеклянных шарика.

Вовкины шарики он обменял с Сашей на недействующую электродрель.

Недействующую Сашину электродрель он обменял на жевательную резинку.

Жевательную резинку – на коробку скрепок.

Коробку скрепок – на сломанную «Спидолу».

Сломанную «Спидолу» – на билет в цирк.

Билет в цирк – на бронзовую собачку.

И вот эту самую никому не нужную бронзовую собачку Гошке удалось выменять на такую чудесную вещь, как черный репродуктор. Бумажная тарелка и сзади какая-то маленькая коробочка. И неужели эта штука будет действовать! Просто какое-то чудо техники. Подумать только, что такие репродукторы делались еще в допотопные времена! Даже и папы еще тогда не было, кажется, в тысяча восемьсот два-

дцатых или в тысяча девятьсот двадцатых, в общем, еще на самой заре цивилизации.

Мальчик, у которого Гошка выменял эту чудесную вещь, уверял, что если репродуктор включить в радиосеть, то он заговорит. Ну это даже слишком!

Гошка дрожащими руками включил вилку в радиосеть, но чуда не случилось – репродуктор не заговорил. Но Гошка нисколько даже не расстроился. Репродуктор и так хорош!

Полюбовавшись еще некоторое время на чудо техники, Гошка занялся другими неотложными делами: он начал клеить порванную магнитофонную ленту, которую ему удалось выменять как-то еще в том году.

И вот, когда Гошка и думать-то уже забыл о репродукторе, он вдруг услышал в комнате какое-то гудение, шипение. Гошка даже не сразу понял, что звуки исходят из черного репродуктора.

И вдруг ясный и громкий женский голос очень таинственно и торжественно сказал: «Спустись вниз по лестнице! Спустись вниз по лестнице!»

Гошка не соображал толком, что он делает, но открыл дверь и мигом слетел с лестницы. И что же! На площадке между первым и вторым этажом стояла Гошкина мама с двумя полными сумками.

– Гошка, тебе, наверное, внутренний голос подсказал, что я несу пирожные и что я задумала: если бы Гошка меня встретил и помог сумки тащить, я б ему до вечера, так и

быть, дала бы одно пирожное. И когда только нам лифт поставят, только все обещают!

Но Гошка думал не о лифте, а о внутреннем голосе. Неужели? Но при чем же здесь черный репродуктор? И откуда мама знает? Но выяснилось, что мама ничего про репродуктор не знала, а про внутренний голос она сказала просто так.

Про этот случай Гошка никому не рассказал, даже Паше Сергееву, потому что не был уверен: может, это действительно был внутренний голос, а ему только показалось, что черный репродуктор.

Но в тот же день произошел еще один случай. Когда Гошка пообедал и выпил чай с честно заработанным пирожным и снова продолжал клеить магнитофонную ленту, а мама из кухни кричала ему что-то такое насчет уроков, но Гошка не расслышал, что именно, вдруг черный репродуктор заговорил снова. На сей раз мужской голос, и тоже очень таинственно и торжественно, произнес: «Повтори вчерашний урок по геометрии! Повтори вчерашний урок по геометрии!»

И что же! На завтра Гошку спросили прошлое задание по геометрии, и он получил пятерку. Ну тут уж никто не будет сомневаться, что это никакой не внутренний голос, а черный репродуктор!

А что потом было!... Даже трудно поверить. Черный репродуктор подсказал Гошке тему контрольной по истории. Правда, он подсказал довольно расплывчато, и Гошке при-

шлось повторять уроки за целый месяц. Но все-таки Гошка получил по контрольной тоже пятерку. Потом черный репродуктор приказал ему как-то выйти немедленно во двор. И что же! Как раз в это время сосед со второго этажа выводил из гаража своего «Москвича», и он катал Гошку почти целый час.

Потом черный репродуктор посоветовал ему пойти в кино на фильм «Неуловимые мстители», и фильм оказался потрясающим! Не советовал идти на фильм «Джейн Эйр», и фильм оказался ерундовским!

Советовал зайти в гости к Лене Плясуле, и как раз ее мама пекла пирожки с яблоками; не советовал идти на день рождения к Вале, и ничего там действительно не было интересного, даже лимонада не было.

Но самое потрясающее было вот что. Черный репродуктор посоветовал Гошке больше не подсказывать на уроках. И что же! Противная ябеда Танька выдала Шурика Шарикова, который ей подсказывал, и его маму вызвали в школу. А сколько раз Гошка подсказывал раньше этой ябеде!

Вот был бы он хорош сегодня, если бы не черный репродуктор!

Тут уж Гошка не выдержал и рассказал все Паше Сергееву. И они с Пашей решили, что это не что иное, как подарок пришельцев из космоса. Наверное, какие-нибудь пришельцы, которых мы даже и не видим, а может быть, мы на них не обращаем внимания только потому, что они нарочно прини-

мают человеческий облик, – так вот, пришельцы, наверное, решили установить с людьми контакт и выбрали не кого-нибудь, а именно Гошку Вовикова! А установили они контакт как раз через этот самый черный репродуктор. Наверно, у этих пришельцев техника такая высокая, что им ничего не стоит при помощи электронного мозга предсказать хотя бы недалекое будущее. И вот, чтобы завоевать Гошкино доверие, они через черный репродуктор предупреждают его.

В порыве товарищеской любви Гошка воскликнул:

– Может, и с тобой они захотят установить контакт! Ведь ты же знаешь о космосе не меньше, чем я.

Три дня Паша не вылезал из комнаты Вовиковых, маме даже показалось, что Паше явно хотелось бы остаться ночевать, и у нее возникло подозрение, не случилось ли у него чего-нибудь дома?

– И что это в самом деле с ними такое? – говорила Гошкина мама. – То их со двора клещами не затащишь, а тут сидят дома. А деньки-то какие, сама бы гуляла!

И действительно, деньки были что надо! Нормальные майские деньки. Со двора доносились голоса ребят, играющих в прятки, и стук мяча.

Но Гошка и Паша, как только приходили из школы, усаживались возле черного репродуктора и сидели до самого вечера.

Все было напрасным! Не захотели пришельцы установить контакт с Пашей Сергеевым, неизвестно по каким причинам.

Гошке было до слез обидно за своего друга.

Но Паша держался мужественно и первый сказал Гошке; – Только тебя они выбрали для контакта, это ясно, так что я лучше не буду мешать, а то, может быть, они хотят сообщить что-нибудь очень важное, может, даже им нужна какая-нибудь помощь.

И что же! Не успела за Пашей захлопнуться входная дверь, как репродуктор заговорил. Видно, пришельцы все-таки решили хоть чем-нибудь наградить Пашу за его терпение, и поэтому на этот раз сообщение касалось Паши.

Гошка был на седьмом небе от счастья. Он выскочил на лестницу как сумасшедший и закричал в пролет:

– Пашка, они велят тебе к завтраму учить алгебру!

И назавтра Пашу действительно спросили, и он получил по алгебре пятерку. Правда, кажется, ничего другого он никогда по алгебре и не получал, но не в этом же дело!

Все, решительно все мог предсказать чудесный черный репродуктор, но он не смог предсказать того, что мама, делая в субботу генеральную уборку, выбросит его на помойку!

Первым делом Гошка спросил, на какую именно, и на помойку или на свалку. А мама сказала: «Разве это не одно и то же?» А Гошка, удостоив маму лишь презрительным взглядом, ринулся вниз. Гошка перерыл решительно все и в помойном баке и на свалке и даже с пристрастием расспрашивал мусорщиков, которые приезжают с машиной убирать мусор, и дворников, и ребят, но никто, решительно никто не

видел черный репродуктор.

И тогда только Гошка вспомнил о мальчике из пятого «А», у которого он выменял репродуктор. Как ему раньше не приходило в голову поговорить с ним! Ведь если у него был репродуктор, то он, конечно, что-нибудь знает о пришельцах. И вот интересно! В тот же самый момент та же мысль пришла и Паше. На уроке литературы Гошка получает записку: «На перемене бежим в пятый «А». Зачем, этого Гошке объяснять было не надо. Как только прозвенел звонок, Гошка и Паша одновременно сорвались со своих мест и бросились к двери. Литераторша даже сказала с участием:

– Попросились бы выйти на уроке! Гошка и Паша неслись по коридору, сшибая на ходу малышей.

В пятом «А» урок еще не кончился. Они заглянули в класс и пробежали глазами по рядам. Нет, явно этого мальчика здесь не было.

– Наверно, он заболел, – сказал Гошка.

– А может, ты забыл, может, он из пятого «В»? – спросил Паша.

Гошка и Паша обошли все пятые классы и даже шестые, описывали всем этого мальчика, но найти его нигде не могли словно его никогда и не было!

ГОШКА И ПИРАТ

Гошка был в отчаянии. Годы летят, жизнь проходит, а собаки все нет и нет. И главное, мама совсем даже не против, и папа не против. Против сосед Боровков. И еще как! Он просто не переносит собак и вообще всех животных. Даже на Пашиного Бемби он писал жалобы, хотя Бемби живет в другом дворе. А в квартире он не то что собаку, а даже ежа терпеть не хочет. Хотя Васька даже и в коридор-то не выходит, так что даже не понятно, как Боровков про пего узнал! Боровков развешивает по всей квартире плакаты: «Не позволю содержание животных в коммунальной квартире!»

Один такой плакат он повесил на кухне над столом, другой – в коридоре, прямо напротив Гошкиной двери.

Мама сколько раз пыталась его уговорить: ну чем ему мешает маленький безобидный еж, которого Боровков никогда и не видит! Но на такого, как Боровков, убеждения не действуют. После разговора с Гошкиной мамой он вывесил еще один плакат: «В СЛУЧАЕ НЕПОДЧИНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЮ О ПРАВИЛАХ, ПЕРЕДАЮ ДЕЛО В ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД».

Ну, можно ли при таком соседе взять собаку! Единственный выход – скорее получить отдельную квартиру, а то вот так промучаешься всю жизнь без собаки. Гошкина мама давно уже стояла в очереди на отдельную квартиру. Но этот

местком на работе у мамы не хотел понять тяжелого Гошкиного положения.

– Мама, – упрашивал Гошка, – скажи ты, наконец, своему месткому, чтобы они поторопились, я не могу больше жить без собаки.

А папа сказал:

– Я думаю, если мы проживем еще годик с таким соседом, то нам и собаку не надо, мы сами лаять будем.

– Ну, это все-таки не то, – возразил Гошка. – Ты же не превратишься в собаку, а я хочу настоящую собаку, понимаешь, настоящую, живую собаку!

И надо же было так случиться, что Паша взял и подарил Гошке собаку. Не свою, конечно. У них была огромная-преогромная колли Бемби, а эта была маленькая такса. Паша нашел ее так просто, на улице, она потерялась. И это была – ну честное слово! – самая лучшая на свете такса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.